

Глава 6. Мюррей Букчин.

За что я выступаю сейчас

Прошёл год с тех пор, как Дейв Формен и я обсуждали проблемы и будущее экологического движения в большой нью-йоркской аудитории – вместе с Полом Макайзеком, Линдой Давидофф и Джимом Хотонем. За прошедший год у меня не было причин менять какое-либо из мнений, высказанных мною тогда. Дейв до сих пор находится под обвинением, которое, как я убеждён, сфабриковано ФБР для того, чтобы организовать травлю радикального экологического движения. Он может рассчитывать на мою самую горячую поддержку, когда пытается отстаивать свои гражданские права – и не допустить, чтобы обвинение в «терроризме» опорочило природоохранное движение в интересах правительства и корпораций. Хочу сказать, что в ходе нашего диалога я проникся уважением к Дейву как экологическому активисту и человеку. Благодаря этому обсуждению Дейв и я смогли найти некоторые точки соприкосновения.

Однако между нами всё ещё остаются важные политические разногласия, что с готовностью признаёт и сам Дейв. К примеру, в прошлом году можно было видеть, что группы «Земля прежде всего!» в северной Калифорнии, а с ними, возможно, и другие, повернули в сторону социального активизма и приняли программу, которая стоит гораздо ближе к социальной экологии, чем к глубинной, даже с недавними поправками Дейва. Как отмечает Джуди Бари, организатор Лета секвойи, «Земля прежде всего!» теперь «не просто консервационистское движение, это также движение за изменения в обществе»⁸². Я приветствую общее направление этого идейного сдвига. Дейв, однако, после этого оставил движение «Земля прежде всего!», чтобы положить начало новой организации, преследующей более узкую цель сохранения дикой природы. Здесь и лежат наши политические разногласия.

Движение «Земля прежде всего!», которым я восхищался с самого его зарождения, вызывает у меня сожаление, поскольку очень многие его активисты не желают открыто признать, что идеологический сдвиг фактически уже произошёл. Дебаты между глубинной и социальной экологией так сильно настроили многих честных людей против социальной экологии, что возникло определённое моральное давление, обязывающее их называть себя «глубинными экологами» и критиковать «левизну» и «социальную экологию», даже когда они в действительности ведут себя как социальные экологи и некоторые из них имеют отчётливо левую окраску. Даже Джуди Бари, с её давней репутацией профсоюзного организатора ИРМ, отрицала свою принадлежность к «левым» и доказывала, что ни одна «левая теория» никогда не говорила о необходимости создания экологического общества⁸³. Она также продолжает искажать мои взгляды. Я был потрясён, прочитав недавно её безосновательное утверждение, будто я убеждённый антропоцентрист и верю, что «люди являются высшей формой жизни»⁸⁴.

Эта непрекращающаяся враждебность в отношении социальной экологии ставит вопрос: что лежит в основе диспута между глубинной экологией и социальной экологией? Позвольте мне для начала устранить чудовищное недоразумение, которое мешает ясному пониманию этого спора. Один друг говорил мне, что многие люди воспринимают всю дискуссию от начала до конца как личный спор, как своего рода «самоутверждение» или «нападки» с моей стороны. Но это просто не тот случай.

Я был в очень хороших личных отношениях с Биллом Диволлом и многими другими видными глубинными экологами до 1987 г., несмотря на моё беспокойство по поводу подтекста их высказываний. В 1986 г. я даже получил от Диволла душевное поздравление, где говорилось: «С зимним солнцестоянием! Я надеюсь, что мы сможем продолжить наш разговор, и чувствую, что мне есть чему у вас поучиться». В книге Диволла и Сешенса «Глубинная экология» были только одобрительные отзывы о моей работе «Экология свободы». Вплоть до 1987 г. у меня просто не было причин для личной неприязни по отношению к кому-либо из известных мыслителей или активистов глубинной экологии.

И, я думаю, было довольно мелочно со стороны глубинного эколога Кристофера Мейнса высказывать в своей недавней книге «Ярость зелёных» предположение, будто я критиковал глубинных экологов потому, что в некотором смысле испытывал личную зависть к их способности «входить в жизни людей», в то время как «социальная экология добилась успехов только в наведении чистоты в залах Института социальной экологии»⁸⁵. Дожив до семидесяти лет, я уже не имею ни энергии, ни времени, чтобы завидовать чему-либо у кого-либо – и меньше всего чьему-либо успеху в экологическом движении. Работа моей собственной жизни в основном закончена, и я чувствую разумное удовлетворение ею.

Моё беспокойство по поводу растущей популярности глубинной экологии политическое, а не личное. В противоположность Биллу Диволлу, утверждающему, что глубинная экология набирает силу как боевая антиэлитаристская идеология, я считаю, что на самом деле она в наши дни стала очень трендовой и эффективной. Она приняла в свою паству не только большое число благополучных академических учёных, но и многих журналистов и даже особ королевской крови, таких как принц Филипп Английский, и прочих важных персон в элитных «экологических» организациях. Мой вопрос таков: эти новообращённые приверженцы глубинной экологии стали радикальными социальными критиками или же глубинная экология благоприятствует их консервативным, иногда даже реакционным социальным воззрениям?

Какими бы достоинствами ни обладала глубинная экология, правда в том, что она, больше, чем любая другая «радикальная» экологическая теория, обвиняет в экологическом кризисе «Человечество» как таковое – в особенности рядовых «потребителей» и тех, кто «разводит детей», – и в значительной степени игнорирует интересы корпораций, которые действительно направлены на разграбление планеты. Этот социально нейтральный аспект глубинной экологии представляется весьма приятным для власть имущих. Я думаю, это основная причина того, что из всех возможных «радикальных» школ экологической мысли именно глубинная экология удостоивается внимания в популярных журналах, в газетах, на телевидении и в других медиа. Если даже такой выдающийся автор и социально ориентированный глубинный эколог, как Гэри Снайдер, может писать: «Человечество стало

подобно саранче, пожирающей планету», – то мне остаётся только недоумевать, что же такого «радикального» в глубинной экологии⁸⁶. Может ли кто-то присоединиться к этой толпе и при этом продолжать с гордостью именовать себя «радикальным экологом»?

Поэтому, пожалуйста, давайте отбросим личности в сторону и не будем отходить от политики, которая действительно затрагивается в этой дискуссии. Никто не должен забывать: строго политическим является тот факт, что поздний Эд Эбби, столь почитаемый многими из тех, кто относит себя к глубинным экологам, описывал «традиции и идеалы» Соединённых Штатов как «продукт североамериканской цивилизации» и призывал нас не позволять, чтобы «наша» страна была «латинизирована»⁸⁷. Строго политическим является тот факт, что он описывал испаноязычных иммигрантов как «голодных, невежественных, неквалифицированных и в культурно-морально-общем смысле ущербных людей»⁸⁸. Строго политическим является тот факт, что «мисс Энн Тропия» (за именем которой, как пояснили мне знающие «земляне», скрывается Кристофер Мейнс) приветствовала эпидемию СПИДа как «необходимое решение» «проблемы народонаселения» (великодушно присоединяя к этой эпидемии «войну, голод и невыносимую бедность») и писала: «Перефразируя Вольтера, если бы эпидемии СПИДа не существовало, радикальные энвайронменталисты должны были бы изобрести её»⁸⁹. И также строго политическим является тот факт, что сам Дейв заявил в своём интервью Биллу Диволлу для «Простой жизни», о котором он теперь сожалеет, что «худшее, что мы могли сделать в Эфиопии, – это предоставить помощь; лучше всего было бы просто позволить природе найти свой собственный баланс, просто дать людям там умирать от голода»⁹⁰.

Я мог бы до бесконечности приводить такие высказывания и примеры нездорового морального климата, созданного ими. Но я уверен, что люди уже сыты ими по горло – во всяком случае, я сыт. Я снова поднимаю эту тему, просто чтобы напомнить людям о той атмосфере, которая заставила меня критиковать глубинную экологию в 1987 г. Это слишком часто игнорируется. Даже такой респектабельный академический глубинный эколог, как Уоррик Фокс, упорно повторяет мои резкие выпады 1987-го и выдёргивает цитаты из моей оригинальной статьи «Социальная экология против глубинной экологии», не давая читателям даже намёка на те грубые человеконенавистнические заявления, которые в первую очередь и вызвали у меня гнев⁹¹.

С сожалением должен сказать, что этот подход оставляет у меня серьёзные сомнения по поводу добропорядочности многих моих глубинно-экологических критиков. Это беспокойство ещё больше усиливается тем фактом, что после того, как я дал резкий ответ на эти ужасные заявления, прошёл почти год, прежде чем глубинные экологи из академических кругов начали (часто в очень мягкой форме) высказывать возражения против тех мизантропических замечаний, которые я атаковал. И даже тогда эти возражения были выражены в довольно двусмысленной манере, и на меня часто выливали поток оскорблений, вместо того чтобы, как предполагалось, давать критический комментарий на возмущавшие меня заявления, сделанные глубинными экологами. В самом деле, многие мои глубинно-экологические критики на протяжении последних нескольких лет систематически искажали мои взгляды, представляя их как «антропоцентристские», изображали меня врагом дикой природы и даже, в случае Диволла, травили меня как главу «анархо-левацко-марксистского» заговора, планирующего «нападение» на радикальное экологическое

движение92.

Думаю, не стоит удивляться тому, что подобные фальсификации были широко растиражированы близкими к правящей верхушке медиагигантами, такими как газета «Нью-Йорк Таймс», безосновательно утверждавшая, что я назвал участников «Земля прежде всего!» фашистами. (Впоследствии я написал в «Таймс» короткое письмо, где категорически отрицал эти измышления и выражал свою поддержку Дейву, борющемуся за свои гражданские права перед лицом преследований со стороны ФБР.) Однако больше беспокоит меня то, что очень многие мои критики из числа глубинных экологов сами выдвинули абсурдную идею, будто я выступаю против задач по сохранению дикой природы, поставленных «Земля прежде всего!», или считаю активистов «Земля прежде всего!» «экофашистами». Дейв стал одним из немногих глубинных экологов, которые привлекли меня своим принципиальным и уважительным отношением. Я признателен ему за его открытость и честность.

Однако вопросы, которые, как я думаю, по-настоящему должны волновать нас, следующие. Те мизантропические взгляды, которые были озвучены наиболее бесцеремонными и, по-видимому, крайними глубинными экологами, – это просто нелепая случайность? Они объясняются исключительно личными наклонностями или же их корни лежат в самой идеологии глубинной экологии? Если оставить в стороне бури и страсти первых дебатов, именно эти вопросы должны представлять для нас реальный интерес.

В ходе этого диалога стало ясно, что Дейв Формен отступил от пропасти крайних репрессивных мер, куда толкали нас голоса, раздававшиеся из рядов глубинно-экологического движения. И всё-таки, если «биоцентрический» принцип глубинной экологии учит, что люди ничем не отличаются от леммингов в смысле их «внутренней ценности» и тех моральных обязательств, которые мы несём перед ними, и если считается, что люди подвержены действию «естественных законов» точно так же, как и любые другие виды, то тогда эти «крайние» заявления в действительности являются логическим выводом из глубинно-экологической философии.

Некоторые глубинные экологи, такие как Уорик Фокс, довольно резко осудили прежние взгляды Дейва на голод в Эфиопии. И всё же тот, кто является последовательным «биоцентристом», легко может прийти к убеждению, что эфиопских детей нужно оставить голодать точно так же, как будет голодать любой вид животных, израсходовавший свои пищевые ресурсы. И так же можно легко прийти к убеждению, что СПИД – это «месть природы» за «чрезмерный» рост населения, экологический ущерб и тому подобное. В соответствии с «естественным законом», если пищевые ресурсы леммингов увеличиваются, их популяция будет естественным образом возрастать до такой степени, что они окажутся подвержены угрозе вымирания. По аналогии, рассуждая с «биоцентрических» позиций, если имеется избыток доступного людям продовольствия, популяция людей автоматически начнёт раздуваться и достигнет такой численности, которая в конечном итоге поставит их под угрозу вымирания, сделав их воздействие на среду настолько разрушительным, что она больше не сможет их выдерживать.

Именно такой ход мыслей первоначально побудил Дейва говорить о том, чтобы позволить «природе найти свой собственный баланс», просто дав «людям [в Эфиопии] умирать от голода». Когда кто-то ограничивает себя «биоцентризмом» в качестве основного источника экологической мудрости, это должно представляться ему «естественной» точкой зрения. Поэтому не стоит удивляться тому, что Билл Диволл не увидел ничего плохого в заключениях Дейва по поводу эфиопских детей ни вначале, когда он брал интервью для «Простой жизни», ни впоследствии, когда я так некстати полез в драку, – или что такие заявления лишь слегка критиковались, если критиковались вообще, Арне Нессом, Джорджем Сешенсом и другими ведущими представителями глубинной экологии. Такое отношение является просто-напросто логическим продолжением биоцентризма.

Но в этом-то и загвоздка: действительно ли люди всего лишь биологические существа? Действительно ли они подвержены в точности таким же колебаниям популяции, какие мы наблюдаем в животном и растительном мире? Я, разумеется, не хочу отрицать, что, при строго локализованной региональной экономике, плохая погода, нашествия вредителей и экологически необоснованные методы хозяйствования могут привести к смерти бесчисленного множества людей. Но люди, в большей степени, чем любой другой вид животных, с которым я знаком, ведут насыщенную культурную жизнь. Возникнув в результате длительного процесса эволюционного развития, когда они часто подвергались действию «естественных законов» той эволюционной фазы, которую мы называем «первой природой», люди создали свою собственную линию культурной и социальной эволюции. Эта эволюция основана на высоко институционализированных обществах, которые я назвал «второй природой».

Существование второй природы не означает, что люди меньше похожи на животных или менее «естественны», чем лемминги. Но в дополнение к их телам приматов и, возможно, врождённым общественным наклонностям существует крайне сложная сеть культурных связей, включающая экономические отношения, символические формы коммуникации, иерархии, классы, системы господства и эксплуатации, политические институты, города, технологии и гендерные роли, которые в значительной степени определяют рост их популяции и общее воздействие на окружающую среду.

Принимая во внимание все ужасы, творившиеся на протяжении человеческой истории, мы не можем игнорировать тот непреложный факт, что люди – как таковые представляющие собой продукт естественной эволюции – больше не являются простыми субъектами «естественных законов». Люди могут играть чудовищную разрушительную роль по отношению к другим формам жизни – но справедливо и то, что они могут играть осмысленную созидательную роль. Это не предопределено «естественным законом». Точно так же люди могут разрушительным или созидательным образом влиять на свои собственные экономические отношения, способы общения, политические институты, города и технологии. Они могут создать экологическое общество, но им несложно и прервать своё собственное существование на этой планете.

Этот добавочный «культурный» ансамбль заметно отличает людей от животных с точки зрения их образа жизни и воздействия на природу. К примеру, в отличие от леммингов, люди могут перераспределять свои запасы продовольствия или накапливать свои ресурсы

для привилегированного меньшинства, отказывая в них угнетаемому большинству. Они также могут устанавливать кодексы полового поведения, которые определяют темпы роста населения, или изменять социальные условия, которые побуждают людей заводить многих детей. Так или иначе, эта совершенно новая линия социальной эволюции – вторая природа – оказала огромное, всеохватывающее влияние на всю биологическую эволюцию, в том числе и непосредственно на первую природу.

Поскольку действительность такова, мы не можем просто отбрасывать человеческое социальное развитие в принципе, вызывая образы «возвращения» в дикий плейстоцен или благодатный неолит. Вместо этого мы должны честно спросить себя: как мы можем включить человеческое социальное развитие в нашу экологическую картину? Должны ли мы отделять наши экологические проблемы от социальных? Должны ли мы воспринимать колебания человеческой популяций как простые проявления «естественного закона»? Должны ли мы игнорировать человеческие страдания и тем самым бессознательно притуплять нашу чувствительность к страданиям нечеловеческих существ?

Я, конечно, не утверждаю, что все глубинные экологи придерживаются взглядов, которые я здесь изложил. Дейв, бесспорно, внёс весьма существенные изменения в некоторые свои взгляды. Более того, некоторые глубинные экологи даже говорят нам, что они не менее социально сознательны, чем социальные экологи. Но всё же это остаётся редкостью, и когда вы спрашиваете их, как их социальная сознательность связана с экологическими проблемами, они, как правило, не могут сказать ничего определённого. Похоже, одна из самых больших бед глубинной экологии в том, что её академические приверженцы, так мало знающие о социальной теории (несмотря на то, что многие из них – учёные социологи), создали представление о «биоцентричности», где человеческое развитие играет вторичную роль, если вообще играет, по отношению к естественному развитию; где рост населения рассматривается исключительно в таком свете, как если бы это была биологическая проблема; и где страдания других живых существ ставятся в один ряд с человеческим страданием, которое описывается почти одними зоологическими терминами.

Основываясь на моей убеждённости в том, что «биоцентризм» ошибочен в своих концептуальных корнях, мои глубинно-экологические критики обычно расценивают меня как «антропоцентриста». Но изложенная мной точка зрения вовсе не принижает борьбу за сохранение и даже расширение ареалов дикой природы, или борьбу в защиту лесов от лесозаготовительных компаний и застройщиков, или борьбу за сохранение и увеличение естественного разнообразия. Я выступал в поддержку такой позиции многие годы. В самом деле, будет возмутительной клеветой даже предполагать, что я не поддерживаю борьбу «Земля прежде всего!» и её активистов.

Поэтому я должен спросить тех, кто отвергает меня как «антропоцентриста»: почему меня принуждают выбирать между «биоцентризмом» и «антропоцентризмом»? Я никогда не верил в то, что Земля была «создана» для эксплуатации её человеком. Фактически, как убеждённый секулярист, я никогда не верил то, что она вообще была «создана». Я также не верю в то, что люди должны «господствовать» над природой – и принципиальная невозможность этого является ключевой идеей в социальной экологии. А если учесть, что я с давних пор очарован чудесами естественной эволюции и, разумеется, дикой природой, то

какая мне нужна до «биоцентризма», который отвлекает меня от социальных корней экологического кризиса? Я верю, что нечеловеческая и человеческая природа так же неразрывно связаны друг с другом, как желудочки сердца связаны с предсердиями; что и человеческая, и нечеловеческая природа заслуживают нравственного отношения. «Антропоцентризм», основанный на религиозном принципе, по которому Земля была «сотворена», чтобы пребывать во власти «Человечества», так же далёк от моих взглядов, как и «биоцентризм», превращающий человеческое общество просто в очередное сообщество животных. Думаю, мы нуждаемся в гораздо лучшем мировоззрении. Останутся ли где-нибудь девственные местности и дикие животные спустя сто лет или около того, зависит прежде всего от того, какого рода общество у нас будет, – а не от того, читаем ли мы человеческим особям лекции об их недостатках, называем их «раком» или чем-то ещё худшим для планеты или превозносим достоинства плейстоцена или неолита. Это будет зависеть не только от нашего обращения с нечеловеческой жизнью, но и от того, до какой степени мы допускаем многочисленные несправедливости в нашей общественной жизни, которые заставляют крестьян вырубать леса, чтобы выжить, и которые разрушают их традиционный образ жизни товарными отношениями.

Ещё более основательный вопрос – а нам лучше взяться за основы, если мы хотим быть «радикальными» в действительном смысле слова, – останутся ли девственные местности и дикие животные спустя сто лет или около того, зависит от того, будем ли мы сохранять экономику «расти или умри» (будь то рыночный корпоративный капитализм или бюрократический государственный капитализм), где фирма или страна, которая не растёт экономически, пожирается своими конкурентами на внутреннем рынке или на международной арене. До тех пор, пока люди не смогут реализовать свой эволюционный потенциал как творческие и экологические сознательные существа, антагонизмы, порождённые социальным угнетением во всех его формах, будут буквально раздирать нашу планету на части – с одинаково плачевными последствиями для людей и нечеловеческих форм жизни.

Обвинять в этом ужасном искажении второй природы технологию как таковую; относиться к росту народонаселения так, будто он в глубине своей не подвержен влиянию культурных факторов; сводить основные социальные факторы, породившие нынешний экологический кризис, к факторам по большей части или даже полностью биологическим – значит лишь отвлекать наше внимание от того факта, что наши экологические неурядицы берут своё начало в неурядицах социальных. Само представление о «господстве над природой» вытекает из господства человека над человеком в иерархии, которая подчинила молодёжь геронтократии, женщин патриархату, рядовых членов племени вождю, рабочих капиталистическим или бюрократическим системам эксплуатации и т.д.

Учитывая это, мы нуждаемся в глубоких культурных изменениях и новом сознании, которое научит нас уважать другие формы жизни; которое изменит критерии ценности в производстве и потреблении товаров; которое даст начало новым технологиям, поддерживающим жизнь, а не разрушающим её; которое устранил конфликты между человеческой популяцией и окружающим миром; которое будет способствовать естественному разнообразию и эволюционному развитию. Я писал о необходимости всего этого на сотнях страниц в своих книгах и статьях. Но может ли кто-то всерьёз думать, что

эти культурные изменения могут быть осуществлены в обществе, которое противопоставляет людей друг другу, как покупателей и продавцов, эксплуатируемых и эксплуататоров, угнетённых и угнетателей, на всех уровнях жизни?

Отворачиваться от этих ключевых социальных вопросов ради «биоцентризма», который в лучшем случае игнорирует их, в худшем же обвиняет неопределённое «Человечество» в проблемах, порождённых прогнившей общественной системой, – значит заводить экологическое движение в идейный тупик. Мы не нуждаемся ни в «биоцентризме», ни в «антропоцентризме», ни, если на то пошло, в любом другом «центризме» или идеологии, которая отвлекает внимание публики от социальных корней экологического кризиса.

Рискуя показаться навязчивым, я хочу подчеркнуть: тот факт, что глубинная экология ограничивала и временами искажала понимание социальной действительности, объясняет, почему ни одна другая «радикальная» экологическая философия не могла бы стать ближе по духу правящей элите нашего времени. Здесь мы видим мировоззрение, которое обвиняет в экологическом кризисе наши «ценности», не углубляясь в социальные истоки этих ценностей. Оно осуждает рост человеческой популяции, не объясняя, почему бедное и угнетаемое население растёт с такой огромной скоростью или какие общественные изменения могли бы гуманным способом стабилизировать народонаселение. Оно обвиняет технологию, не спрашивая, кто развивает её и для какой цели. Оно осуждает потребителей, не обращая внимания на экономику «расти или умри», которая использует свой раздутый медийный аппарат, чтобы навязать людям потребление в качестве чудовищной замены полноценной культурной и духовной жизни.

Если мы окажемся не в состоянии изучить эти вопросы, дать им последовательное объяснение и чётко в них ориентироваться, то мы обойдём стороной основные проблемы, встающие сегодня перед экологически сознательными людьми. Это равнозначно отделению экологического движения от борьбы женщин за полное равенство полов, цветных людей за расовое равенство, бедных за экономическое равенство, субкультур наподобие геев и лесбиянок за социальное равенство и всех угнетённых за человеческое равенство. Характерно, что литература, производимая на свет большинством глубинных экологов, уделяет мало – либо вообще никакого – внимания отравлению свинцом жителей гетто. Они редко пишут, если пишут вообще, о загрязнении на рабочих местах и о специфических экологических угрозах, которым подвергаются женщины, этнические меньшинства и городские жители. При том что благоговейное отношение «Земля прежде всего!» к дикой природе достойно похвалы, неспособность глубинной экологии привить своим последователям радикальную социальную ориентацию часто приводит к тому, что последние остаются обыкновенными приверженцами культа природы. Кроме того, своими совершенно неуместными нападками на «Человечество» глубинная экология отчуждает себя от многих сочувствующих активистов, которые могут так же сильно почитать дикую природу, как и глубинные экологи, но которые не желают заигрывать с мизантропией и самоненавистничеством.

Недостаток места не позволяет мне перечислять все причины, по которым я считаю, что глубинная экология ещё недостаточно «глубока». Но я должен подчеркнуть, социальная экология не является ни «биоцентрической», ни «антропоцентрической». Она скорее

натуралистическая. Благодаря этой натуралистической ориентации социальная экология не меньше, чем «биоцентристы», интересуется такими проблемами, как защита девственных областей и диких видов. Как путешественник, эколог и прежде всего натуралист, который искренне верит в свободу, я могу с такой же страстью, как и любой глубинный эколог, говорить о тропах, по которым я ходил, о панорамах, которые передо мной открывались, о парящих ястребах, за которыми часами наблюдал с утёсов и горных вершин. Но социальная экология является натуралистической и в том весьма важном смысле, что она прослеживает корни человечества и общества, глубоко уходящие в естественную эволюцию. Отсюда использование мной термина «вторая природа», подчёркивающего, что человеческая общественная жизнь развилась из природного мира.

Этот второй аспект натуралистического подхода социальной экологии бросает вызов не только мизантропии; он также бросает вызов традиционной социальной теории. Философия социальной экологии говорит, что невозможно полностью разделить – не говоря о том, чтобы противопоставить, – человеческую и нечеловеческую эволюцию. Как натуралисты, мы признаём тот факт, что люди эволюционировали из первой, или нечеловеческой, природы как млекопитающие и приматы, чтобы создать для себя новый удел, складывающийся из переменчивых институтов, технологий, ценностей, форм общения. Социальная экология признаёт, что мы – одновременно биологические и социальные существа. Не останавливаясь на этом, социальная экология идёт дальше и тщательно анализирует историю общества, которая противопоставила человечество не только самому себе, но и, что более значимо, всей нечеловеческой природе.

Как я уже не раз говорил, происходившие в течение столетий социальные конфликты способствовали развитию иерархий и классов, основанных на доминировании, при котором подавляющее большинство людей эксплуатировалось так же безжалостно, как и сама природа. Социальная экология внимательно рассматривает эту историю общества и открывает, что сама идея господства над природой вырастает из господства человека над человеком. Эта иерархическая ментальность и система, проявлявшаяся в социальном доминировании над людьми – в частности над младшими, женщинами, цветными, а также над основной массой мужчин как рабочих и подданных – была распространена на царство природы. Поэтому, в отличие от большинства глубинных экологов, социальные экологи понимают, что, пока мы не предпримем усилий по освобождению людей от доминирования и иерархии – а не только от экономической эксплуатации и классового гнёта, как утверждали бы ортодоксальные социалисты, – наши шансы на спасение девственных мест планеты и дикой жизни останутся в лучшем случае отдалёнными.

Это означает, что у радикального экологического движения должна быть программа того, как избавить людей от угнетения, которое они вынуждены переносить, даже если некоторых из нас в первую очередь беспокоит урон, который это общество наносит дикой природе. Мы не должны упускать из виду тот факт, что проект освобождения человечества теперь стал экологическим проектом, и наоборот, проект защиты Земли стал также социальным проектом. Социальная экология как форма эконоанархизма связывает оба этих проекта воедино, во-первых, с помощью органического образа мыслей, который я называю диалектическим натурализмом; во-вторых, с помощью симбиотической социальной и экологической этики, которую я называю этикой комплементарности; в-третьих, с помощью

новой техники, которую я называю экотехнологией; и, наконец, с помощью новых форм объединения людей, которые я называю экосообществами. Неслучайно я написал работы, посвящённые не только городам, но и экологии; не только утопиям, но и загрязнению; не только новой политике, но и новой технологии; не только новому экологическому сознанию, но и новой экономике. Последовательная экологическая философия должна обратиться ко всем этим вопросам.

К сожалению, многие низовые экологические активисты сегодня неспособны увидеть различие между экоанархизмом и репрессивными, индустриальными кошмарами сталинизма или между натурализмом и «антропоцентризмом». Тем самым они отгораживаются от актуальных и ценных идей, которыми может поделиться экологически ориентированная леволибертарная традиция. Даже Джуди Бари с её левым прошлым, кажется, испытывает сложности в проведении таких важных различий. В открытом письме, направленном Дейву после его ухода из «Земля прежде всего!», она доказывала, что их организация не имеет никакой связи с левым движением, говоря: «Мы слишком непочтительны и у нас слишком хорошее чувство юмора, чтобы нас можно было считать левыми»⁹³. Однако я должен напомнить Бари тот очевидный факт, что юмор и игривость были отличительными чертами либертарных левых на протяжении поколений.

Левые – это не только сталинисты с каменным лицом, маоисты или лишённые воображения либеральные реформаторы. Разве вы не помните «Индустриальных рабочих мира» (ИРМ), этих в основной массе анархо-синдикалистских «уббли», которые подготовили один из самых бесшабашных песенников в истории рабочей борьбы, которые своими выходками приводили в ярость гонителей профсоюзов – и которые привнесли в социальное движение дух озорства, вдохновивший самих участников «Земля прежде всего!», даже если они не осознавали этого? Разве вы не помните анархических новых левых Парижа в мае – июне 1968 г., которые изрисовали весь город чудесными лозунгами вроде «Вся власть воображению!», «Будьте реалистами! Требуйте невозможного!» и «Я принимаю свои желания за реальность, потому что верю в реальность своих желаний!»? Разве вы, в конце концов, не помните анархистку Эмму Гольдман, сказавшую однажды, что она не хотела бы участвовать в революции, в которой не могла бы танцевать?

В заключение я лишь хочу повторить, что причина, по которой ведутся дебаты и диалоги, вовсе не в личностях – по крайней мере, не это объясняет мою заинтересованность; причина в весьма обоснованном беспокойстве по поводу того, в какую сторону смотрит экологическое движение. Насколько сильно я люблю дикую природу, насколько приятно мне вспоминать те величественные виды и то спокойное ощущение свободы, которое всегда дарят мне наши леса, настолько же невозможно для меня закрыть глаза на социальные проблемы и человеческие страдания, которые создают предпосылки нашего экологического кризиса и экологической несознательности. Я не стану выступать как ворчливый эрудит в академической башне из слоновой кости или как мизантропический защитник дикой природы, не стану обрушиваться в своих проповедях на презренное «Человечество», одновременно превознося перед ним туманную абстракцию, называемую «Природой».

Природа имеет для меня вполне реальный и конкретный смысл, как живая, никогда не прекращающаяся, поражающая воображение эволюция – и как вполне реальные

порождения этой эволюции, именуемые людьми. Я отказываюсь демонизировать «природу» во имя «человечества» или же наоборот, создавая поверхностную, одностороннюю этическую дилемму «биоцентризм – антропоцентризм». Я отвергаю необходимость выбора между подобными абстракциями, не имеющими под собой никаких оснований. Я требую права быть натуралистом и левым одновременно, подниматься над расплывчатыми упрощениями и решать экологические проблемы заодно с социальными под знаменем социальной экологии.

Одна из моих главных целей заключается в том, чтобы способствовать развитию неиерархической этики комплементарности как среди людей, так и в отношениях между человечеством и нечеловеческой жизнью. Это должно стать отправной точкой, непоколебимой общей основой для всего радикального экологического движения. Возможно, самый большой вклад этого диалога между Дейвом Форменом и мной в том, что он доказывает: если радикальные экологи могут договориться и принять это как общую позицию, значит, мы можем работать вместе и – несмотря на наши разногласия – учиться друг у друга. И я верю, что это даёт надежду экологическому движению.

Версия #1

Зверобой создал 18 апреля 2025 21:43:07

Зверобой обновил 18 апреля 2025 21:44:06